

Добрынин Вася.

21.04.97

Моск. комсомолец - 1997 - 11 янв. - с.2.

Добрынин

Вика САРЫКИНА

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Деньги.

Женщины

— Правду ли говорят, что вы стоите четы-
ре тысячи долларов?
— Я могу только сказать, что у меня есть
планка, ниже которой я не могу опуститься.
— **Вы обиделись на меня?**
— Нет, не в этом дело. Я могу стоять и 20 ты-
сяч долларов, а могу работать за бесплатно... Я толь-
ко не могу понять: почему ты об этом спрашиваешь?
Я думал, мы будем говорить о чем-то серьезном.
— **Мы будем об этом говорить. Но в нача-
ле все-таки интересно узнать: а вдруг великий
артист и композитор бедствует?**
— Я, конечно, понимаю: ты интересуешься
этим, потому что пишешь рубрику "Светская
жизнь". И я там никогда не фигурировал. Видимо,
ничего интересного и клубничного я для тебя не
представляю.

— **Но вы бы хотели попасть в эту рубрику?**
— Так просто нет прецедента, нет твоего ин-
тереса!

— **Ну, так и слава Богу, наверное?**
— А ведь некоторые готовы многое отдать,
чтобы попасть туда. Настоящий большой артист об
этом никогда не думает. Самой большой светской
новостью, помнится, для журналистов стал мой пе-
реезд в этот дом. (Дом Вячеслава Григорьевича
действительно именитый: Шумейко, Солжени-
цын, Чубайс — это только часть тех лиц, кото-
рые в нем прописаны. А уж про квартиру, кото-
рая привела меня — на удивление хозяина — в
неописуемый восторг, вообще не говорю. Доб-
рынин даже поинтересовался: "А разве у тебя
не такая?") Ну чем я могу быть интересен? Я ни-
куда не хожу. Сажу дома и, в отличие от многих
артистов, читаю книги. Хорошие книги. Мне другое
уже не интересно. Я свое уже отгулял. Я много гу-
лял, когда еще только становился известным. Бы-
вал с друзьями в ресторанах, пил, не ночевал до-
ма. У меня было много знакомых девушек, которые
менялись с периодической частотой. И это до тех
пор, пока я не женился в первый раз.

— **Давайте остановимся на этом. Ведь как
это можно обойти такой факт? Кому, как не
вам, известно, что при виде вашего изображе-
ния на ТВ останавливаются все женские пред-
приятия, и экзальтированные дамочки прили-
пают к экранам! Расскажите уж теперь о своей
личной жизни.**

— Понятно. Ну так вот, женился я. Надоело
мне гулять, надоело мучиться всякими проблема-
ми, болячками любовными. Вот видишь фотогра-
фию? Это моя дочь Катя Добрынина от первого
брака. Ее маму зовут Ирина. Ее многие знают: мы
тогда жили на Горького, удобное место — любой
мог зайти. И у нас постоянно собирались друзья. А
когда родилась Катка, стало невозможно работать
в квартире. Я подался в более тихую гавань — к
маме. У мамы с моей первой женой не сложились
отношения — наверное, потому, что мама меня
ревновала ко всем женщинам, а у нее был единст-
венным, она посвятила мне всю свою жизнь. Ну, в
общем, мама сказала: оставайся! Она меня корми-
ла-поила, баловала, ухаживала — у нас с ней были
необыкновенные, нежные отношения. Я опять по-
пал под ее опеку, заботу, которую не сравнить с
заботой жены. Я понял, что после гулянки, а потом
семейной жизни все, что мне нужно, — это вот эта
материнская любовь. Я снова записал, загулял. И
что? Вновь нагулялся, устал. И тут встретил вторую
жену, с которой мы и живем уже 12 лет. Мы, прав-
да, не расписаны, но я и не хочу — я хочу, чтобы
мы с ней венчались. Моя вторая жена — потрясаю-
щий человек, компанейский, веселый, коммуника-
бельный, она такая подъемная, энергичная. Мне
этого не хватало в тот момент, когда мы познако-
мились. И мы стали, как сообщающиеся сосуды.
Мне с ней хорошо, я по ней скучаю. А вообще в
моей жизни было четыре сильных увлечения.

— **Расскажете?**
— Расскажу. Тамара Герасимова — моя пер-
вая любовь. Мне было 14. Я просто сгорал. Я ду-
мал, что это будет навсегда: мы с ней 4 года
встречались. А потом я стал меняться, взрослеть,
произошла какая-то сублимация женского образа.
И все. Потом в моей жизни появилась вторая же-
нщина — моя жена Ирина. Потом была еще одна
сильная любовь, Оля — певица из ансамбля "Крас-
ные маки". Она была такая красивая, сильная, сек-
суальная...

— **Вы первый ее оставили?**
— Пожалуй, да. У меня так всегда получа-
лось, что я уходил первый. Без скандалов. Тихо
так, растворяясь, оставляя только силуэт вдалеке.
— **А любимые женщины, когда вы раство-
рились, не закатывали истерики?**
— Мне повезло. Я всегда общался только с
теми, которым хватало ума все понять.

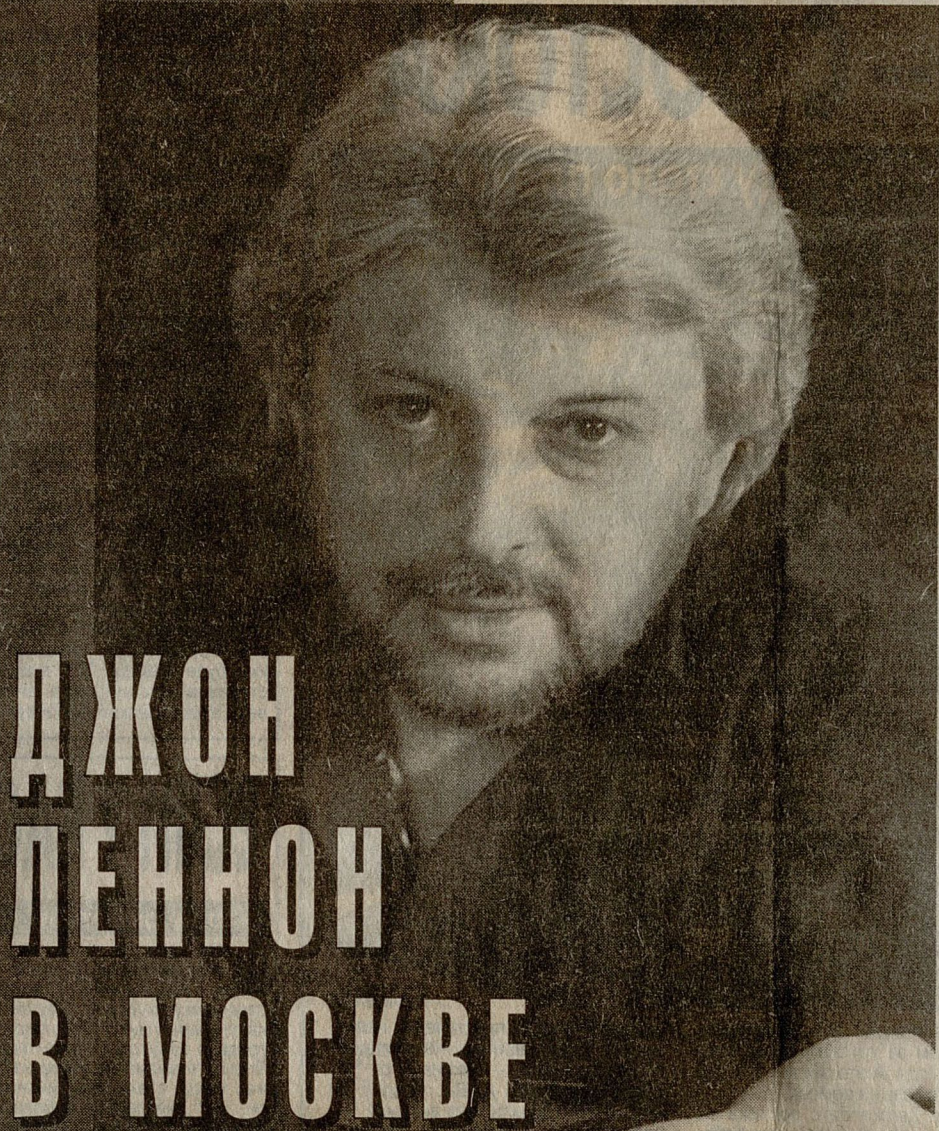
Политики.

И снова женщины

— **А ведь вы ловко увиливали от финансо-
вого вопроса...**
— Говорить о деньгах — это даже уже неинте-
ресно. Зачастую сумма, которая предлагается арти-
стам, бывает завышенная. Или заниженная. Все
смешалось, никто уже точно не сможет сказать,
сколько он стоит. И стоит ли вообще? Могут предла-
гать разные деньги и по разным причинам. Хотят ли
их отменить организаторы концерта либо, наоборот,
предлагают маленькую сумму, потому что слишком
скупы, — мне все это неинтересно. Моя задача —

САМЫЙ ЛУЧШИЙ

Ну, Добрынин и Добрынина. Ну, "Не
сыпь мне соль на рану". Ну, тоска! Шла на
интервью и думала, что бы такое спросить,
чтобы хотя бы его ровесникам было инте-
ресно. В общем, много о нем распростра-
няться я сейчас не собираюсь. Прочитайте
интервью — не пожалеете. Редко такое слу-
чается, когда человек (в смысле интер-
вьюируемый) становится интереснее в про-
цессе разговора. Обычно наоборот: сидишь
и думаешь — и зачем же ты, Вася, такой ра-
зухабистый имидж себе придумал, когда в
жизни рядом с тобой нужно два литра кофе
выпить, чтобы не уснуть? Добрынин расска-
зывает много и интересно. Вздохлб. О чем
хочешь и не хочешь. И прерывать его бес-
полезно: все равнодорасскажет начатую
историю (попутно вспомнив еще с десяток),
все равно договорит свою мысль до конца.
Деловито насыпал мне в ладонь мятных ле-
денцов (чтобы не кашляла в собственный
диктофон) — и пошло-поехало. Вот тебе,
думаю, и "Не сыпь мне соль на рану", вот
тебе, девушка, и Юрьев день!

принять или не принять предложение.
— **А приглашают ли вас на правительст-
венные мероприятия?**
— Безусловно.
— **Знаете, кто вас любит? У Газманова,
например, в поклонниках Ельцин и Лужков.**
— Я думаю, что Лужков относится ко мне так же
хорошо, как и я к нему. Я не только знаком, но и дру-
жу с ним. Так вот, Юрий Михайлович помог мне в том,
что я теперь живу в этом известном доме, в этой
квартире, которая привела тебя в такой восторг.
— **Вы с Лужковым на "вы"?**
— Безусловно, на "вы". Я не могу сказать, что
дружу с ним в таком общепринятом смысле — что-
бы можно было позвонить ночью или неожиданно
нагрянуть к нему домой. Мы с ним просто в очень
хороших отношениях, кланяемся друг другу при
встрече. Он знает, кто я, что я, слушает мои песни.
В машине, он сам мне говорил. Я всегда могу рас-
считывать на его хорошее отношение к себе.

рэйв, наркотики...
— ...вот именно...
— ... алкоголь. А чем ваши музыкальные ту-
совки отличались? Как вы раньше куражились?
— У нас было как-то душевно. Мы говорили о му-
зыке. Но знаешь как? Вот как, например, добиться та-
кого же звучания, как на пластинке "Битлз". Как найти
хорошую аппаратуру. Сейчас ведь говорят совсем о
другом, сейчас разговоры какие-то потребительские.
— **Вам что, обидно?**
— Нет. Я просто констатирую факт. Раньше
базу создавали мы. А сейчас все сидят на готовень-
ком. Это их обедняет.
— **Да почему обедняет? Они развивают со-
зданную вами базу.**
— Слушай, тебя устраивают мои ответы?
— **Вполне. Вы вообще-то редкое исключе-
ние среди тех, кто не умеет давать хорошие, не-
корявые ответы.**

— Это, наверное, потому, что прежде чем стать
музыкантом, я закончил истфак МГУ. Я закончил ист-
фак и получил такую специальность — историк и теор-
етик искусств. Учился в аспирантуре, думал, что буду
заниматься наукой. Но любовь к "Битлз" все-таки пе-
ресирила. В 60-х годах я впервые взял гитару в руки,
подшел к зеркалу и сказал: "Как я похож на Маккар-
ти!" Хотя я ведь больше ленинчист — у Леннона боль-
ше взял в музыкальном плане...

— **А кем бы вы стали после окончания аспи-
рантуры?**

— Каким-нибудь музееведом. Или краеведом.
Я же успел поработать и в Третьяковской галерее.
Написал несколько статей по искусству. Потом я
понял, что хорошо бы и денег зарабатывать — на
писанине и посещении выставок не прокормишься.
И потом, какой же я искусствовед, если никогда не
видел Лувра и Рима? Когда я стал музыкантом, я,
конечно, все это посмотрел. Но мне это уже не нуж-
но было. Такая вот гримаса судьбы... Но все не про-
ходит даром. Я знаю, что умею общаться с людьми,
выражать свои мысли и хорошо отвечать на вопро-
сы журналистов, — образование сделало свое дело.

Почти монолог.

Длинный, но показательный

— Ты слушай, слушай, что я тебе рассказы-
ваю. Потом сама выберешь из всего, что записала,
— самое лучшее. Значит, до Лундстрема я успел по-
работать с "Веселыми ребятами", с Пашей Слобод-
киным. Он как-то пришел к нам на репетицию и ска-
зал: "Я сейчас делаю ансамбль, мне государство
дало денег на аппаратуру. Я хочу пригласить вас
всех записать песни". Мы записали пластинку (это
была моя первая пластинка) — "Алешкина любовь",
помнишь, такая песня была? Вот видишь, ничего ты
не помнишь! "Говорят, что некрасиво, некрасиво,
некрасиво отбивать девчонок у друзей своих". Это
был 68-й год, первая полсовая пластинка! Потом
они ездили на гастроли, у них была афиша "Весе-
лые ребята", а я с ними ездить не мог, мама гово-
рила: "Только через мой труп! Вначале закончи ин-
ститут". И я играл по московским кафе. Я уже был
известный человек, Саша Градский мне говорил:
"Ты самый лучший Джон Леннон в Москве". Потом я
стал сам писать песни. Их объявляли: "Музыка Вя-
чеслава Добрынина на стихи Леонида Дербенева".

— **Вот вы как-то сказали, что у вас был
комплекс из-за грассирующего "р". Как вас уго-
раздило самому взять микрофон и запеть "Не
сыпь мне соль на рану"?**

— Так я же долго не пел! Петь-то я стал не-
давно! Я тебе позже расскажу. А тогда я довольст-
вовался тем, что другие пели мои песни. В 72-м го-
ду "Веселые ребята" записали песню, которая и
стала первой моей профессиональной песней, за-
вучившей официально: "На земле живет любовь". И
я помню один случай... Я тогда ездил на автобусе —
не на такси, на такси денег не было. Стою как-то на
остановке, какая-то бабушка рядом, люди. И вдруг
открылось окно в доме напротив, и из него прохнула
музыка с моей песней. Один раз звучит, второй раз
звучит, потом колонки поставили на подоконник (то-
гда было модно выставлять колонки на улицу — что-
бы все слышали), и бабка говорит: "Ну, записал!
— ду-ду-ду, ду-ду-ду!" И я был в восторге: ну, если
бабка ворчит, значит, вот оно, признание народное!
Я сел в автобус и хотел сказать: люди, это ж моя
песня! И этот путь в автобусе стал моей звездной
дорогой, дорогой к известности.

Потом был ансамбль под управлением Юрия
Маликова, который позже стал называться "Само-
цветы". Я пел "Червона рута". Это была первая пе-
сня, которую я исполнил как солист. Там моя "р" не
так выкристаллизовывалась, как на русском языке.
Меня Юрий Маликов угорил: ну ты спой, спой что-
нибудь! И я такой выхожу на сцену худой, длинно-
волосый — девушками очень нравился. Юра до сих
пор считает, что я был одним из тех, кто стоял у
истоков этой группы. Помню, на наши репетиции при-
ходил Пресняков-старший с Леной Кобзевой (же-
ной) и маленьким ребенком Володей. И вот на од-
ной колечке у меня сидел Маликов-младший, на
другой — Пресняков-младший, и оба писали на мои
брюки. Тогда детей не с кем было оставить, их мне
доверяли на репетициях. Говорили: "Посади детей к
себе, а то они упадут, и держи!" Я сижу в зале, а
они все на сцене, поют на мою музыку, знаешь, та-
кая песня была: "У нас, молодых, впереди года, на-
ши руки не для скуки, для любви сердца!" Тогда
еще смеялись над "Наши руки не для скуки". Но в
самом деле это была очень эпохальная песня,
такая комсомольско-подъемная. На слова Харитона-
ва, который написал еще "День Победы". И вот "Са-
моцветы" пели эту песню. И эту песню потом по ра-
диостанции "Юность" крутили. Я ходил и думал: ну
как же так, я такой попсовый и рок-н-рольный, и
вдруг "Наши руки не для скуки"! А меня успокаи-
вали: ты должен быть объемным композитором, как
Богословский, как Соловьев-Седой! И однажды я
увидел огромную фотографию в газете: вокзал, мо-
лодые ребята, уезжающие на БАМ, и транспарант
со строчкой из моей песни — "Наши руки не для
скуки!". И тогда я успокоился. Тем более, что все
стали петь мои песни: и Магомаев, и Зыкина, и
Краснознаменный ансамбль. Хотя ведь я все равно
не был официальным композитором. Тогда офици-
альными были все на "ский": Богословский, Фляр-
ковский, Аедоницкий. И вот они все на художествах
сидели и всех молодых, кто приходит — Добрынин
или Антонов, — слушали и говорили: а, это пошло!
Все боялись, что кусок хлеба отнимем. Тогда же
ведь как было: приходишь в ресторан — кого там
музыканты поют? Добрынина, Морозова, Антонова.
А их не поют. И вот они сидят на художествах: зару-
бить! пошло! откажутся! забракуют!

Началась перестройка. Запели Николаев, Кор-
нелюк, Муромов — все, что сочинял. И остались не-
востребованными я и Паулс. Но Паулс воспользовал
этим общением со зрителем с помощью такого имид-
жа маэстро — у него произошла сублимация по
Фрейду полная. Ему это было нужно — он этим удо-
влетворялся. А я однажды...

Миша Боярский записывал много моих песен то-
гда — "Рыжий конь", "Вот и расстались", "Большая
Медведица". И однажды он должен был приехать в
очередной раз писать песню — "Ах, друзья, мои дру-
зья, как вы там живете-можете" на слова Симона
Осиашвили. И вот случился такой казус. Миша не
смог приехать на запись — застрял в аэропорту. А у
нас уже студия оплачена, и простой нельзя допустить.
И через три дня — съемка "Шире круг", куда включена
была эта песня. Все, конечно, в панике: Боярский не
успел записаться! Что делать? И в один голос: "Хо-
чешь ты этого или не хочешь, Слава, но тебе придет-
ся петь вместо Боярского". Уговорили. Выпил я рюм-
ку, надел наушники, попросил гитару — ну так, что бы
руки было куда деть, — и спел песню с первого дубля.
Чтобы не слишком это мое "р" звучало, наложили на
него несколько дублей. Потом мне говорят: "Ну а те-
перь, может быть, снимем тебя?" Одели матроску, фу-
ражку с "крабами" — и на лодочную станцию в парк
Горького. Показали на ТВ. И — все!

— **Наутро вы проснулись знаменитым.**
— Мало того. Мне постоянно звонили с ТВ и
умоляли забрать письма: каждый день по 10 мешков
приходило на имя "Добрынин". Потом была песня
"Бабушки-старушки". Потом — "Синий туман". Зво-
нит Дубовицкий, знаешь, да — муж Овсиенко? Он
мне звонит: "Слав, ты не представляешь! Услышали
твой "Туман" по ТВ, вечером пошли в ресторан. А
там выходит чувак — единственно, что без бороды!
— и уже поет "Синий туман". И поет под тебя". — "И
что, — спрашиваю, — тоже картавит?" — "Нет, но
очень пытается хрипеть". А потом — "Не сыпь мне
соль на рану". И я стал бить рекорды по заполне-
мости стадионов. По-моему, моего рекорда еще ни-
кто не побил!

— **Значит, Лужков — это не тот человек,
кому вы можете позвонить среди ночи, если на
душе хреново. Но вот если хреново, кому-то
вы все-таки звоните? И может быть, кто-то
звонит вам?**

— Да таких много! Ну, Лев Лещенко, напри-
мер. Лева — это мой старинный друг, близкий мне
человек. По телефону или так — заходим друг к
другу, сидим общаемся, выпьем рюмку. В любой
момент я не только могу заехать к нему, но и хочу
этого. В былые времена мы очень хорошо обща-
лись с Юрием Николаевым, с Мишей Боярским, с
Николаем Караченцовым, с Леной Ярмольником.
Да вообще и сейчас я могу и мне могут позвонить
в любое время дня и ночи. Я спать ложусь в пять
утра — и все об этом знают. Ну вообще я удиви-
тельный в этом смысле человек — адреналин, что
ли, иначе вырабатывается? Я ложусь так рано уже
в течение 25 лет. Еще с тех времен, когда работал
музыкантом в ресторане "Арбат". И вел богемный
образ жизни. Вообще-то, конечно, первым богем-
ным человеком был Онегин. Но мне все время ка-
залось, что я живу по Онегину, а думаю по Печори-
ну. У меня даже к женщинам было такое отноше-
ние — я ловил себя на мысли, что и в этом повто-
ряюсь с Печориным: для меня тоже была всегда
важна трудность предприятия, нелегкость пути.

Гримасы судьбы

— **С кем вы начинали? В том смысле, что,
будучи еще никем, с кем доводилось после ра-
боты садиться за бедный стол, разламывать
хлеб и говорить: "Ничего-ничего. У нас все еще
впереди!"**

— С Аллой Пугачевой. Мы с ней вместе начи-
нали работать в оркестре Олега Лундстрема в конце
60-х. Она была такая маленькая, рыженькая, смеш-
ная. До этого Алла спела пару песен — про Робота и
еще какую-то. Но по сравнению с такими фамилия-
ми, как Кристалинская и Пыха, Пугачева еще ниче-
го не значила. Хотя в музыкальных кругах она уже
становилась заметной личностью, ее знали, замеча-
ли, приглашали озвучивать фильмы — "Король
Олень", например. Мы с ней подружились. Ходили
друг к другу домой, я познакомился с ее родителя-
ми, она — с моей невестой (они, кстати, так и дру-
жили с моей женой Ириной еще очень долго). Ко-
нечно, мы подбадривали друг друга. Я говорил ей:
"Ты просто супер! Ты будешь номер один", а она
мне: "Ты должен работать, писать, показывать то,
что ты делаешь, Магомаеву, Пыхе, Кобзону!" Ну, а
потом она спела "Арлекино", стала звездой, наши
пути разошлись. Позже, когда и я добился всего,
что хотел, мы вновь стали общаться.

— **Что вы делали в оркестре Лундстрема?**

— Играл на гитаре и руководил при оркестре
своим квартетом "Лада". О, тогда мы работали во
всяких кафе — "Молодежное", "Синяя птица". Это
было время "Битлз", я вообще на их музыке воспи-
тан. Так вот, тогда мы все — этаким московский ан-
деграунд из многих модных ансамблей ("Орфей",
"Рубиновая Атака", "Аргонавты", "Гулливеры"), Сла-
ва Малежи, Александр Градский — работали в ка-
фе. Мы были неофициальные, нас тогда поддержи-
вали организации типа горкома комсомола.

— **И вас никогда не прижимали, не запре-
щали?**

— Вот есть такой человек — Юра Айзеншпис,
вот он пострадал. Был в отсидке, ему вменяли какую-
то спекуляцию. Он первый человек, пострадавший от
шоу-бизнеса только за то, что добывал какие-то там
заморские инструменты, аппаратуру, — пострадал
просто-напросто за правое дело. А что касается меня
— нет, никаких комсомольских порицаний я не полу-
чал. Я вспоминаю, когда мы базировались в кафе
"Молодежное" — сейчас там клуб "Карусель". Это ка-
фе было оккупировано джазменами, проводниками
западного искусства. "Сегодня ты играешь джаз, а
завтра родину продашь" — это из той оперы. Так вот,
один раз в неделю были джазмены, а другой день —
мы, рок-н-роллишки. И мы были первыми, пионера-
ми рок-н-ролла. Ребята из "Молодежного". Айзен-
шпис, Градский, я в том числе, Леня Бергер, который
стал первым эмигрантом от шоу-бизнеса. Он приез-
жал на первые "Рождественские встречи", пел песню
— еще сейчас Киркоров поет, знаешь (напевает.
— В. С.): "Морская пе-е-ена..."

— **К сожалению, абсолютно равнодушна к
творчеству Киркорова...**

— Не увлекаться? Ну, я не об этом. Я о Лене
— его очень многие знают, — это же его песня. Ну,
песню-то "Как прекрасен этот мир" знаешь?

— **Знаю. Но я сейчас вот о чем. Сейчас,
когда собираются музыканты, — это значит**